

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

| «Русский танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия / "Russian Thanatos": N. Gogol in his Letters about Life, Death and Immortality |

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

*Нижевартовский государственный университет, Россия
Гуманитарный факультет, Кафедра истории России
Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор*

*Nizhnevartovsk State University, Russia
Professor of Chair of History of Russia
Doctor of Sciences (Philosophy), Phd in History
5.natalija05@mail.ru*

«РУССКИЙ ТАНАТОС»: Н. В. ГОГОЛЬ В ПИСЬМАХ
О ЦЕНЕ ЖИЗНИ, СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ

Тысячелетние корни танатологии – от античной традиции до концепций М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, С. Кьеркегора – позволяют оценить вклад XIX века и особенно русского «Танатоса» Н. В. Гоголя в эпистолярную интерпретацию этой вечной темы.

Ключевые слова: танатология, русский Танатос, Н. В. Гоголь, эпистолярный жанр.

"RUSSIAN THANATOS": N. GOGOL IN HIS
LETTERS ABOUT LIFE, DEATH AND
IMMORTALITY

Millennial roots thanatology – from ancient traditions to the concepts of M. M. Bakhtin, M. K. Mamardashvili, S. Kierkegaard allow to evaluate the contribution of the Russian "Thanatos" N. Gogol's epistolary to this eternal theme.

Key words: thanatology, Russian Thanatos N. Gogol, epistolary genre.

78

Проблема танатологии имеет тысячелетние традиции, в рамки которых органично вписывается постмодернистская вариация столь вечной темы – осмысление феномена смерти в широком дискурсивно-культурологическом диапазоне его звучания. В античной легенде о братьях, оказавшихся первыми в состязаниях на колесницах, мать выпрашивала для них у Бога лучшую награду и получила смерть детей как достойный апофеоз жизни в зените славы, в «предельно-запредельном» ее итоге¹. Для М. М. Бахтина смерть – единственный критерий жизни, радостное завершение трагичности бытия с очевидными пер-

¹ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1998. С. 23.

спективами необратимости роста и омоложения, когда у каждого смысла свой праздник возрождения.

Оборотной стороной танатологии, согласно традициям русской философской школы, становится антропологическая точка отсчета «человеческого в человеке» с центральным вопросом: «С чего начинается человек». М. К. Мамардашвили полагал, что человек начинается с плача по усопшему². С. Кьеркегор на этот вопрос мог дать иной ответ: «С

² Мамардашвили М.К. // http://www.xorosh.com/xoroshie_lyudi/42647-merab-mamardashvili.html. – /дата обращения: 15.07.2014/.

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

| «Русский танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия / "Russian Thanatos": N. Gogol in his Letters about Life, Death and Immortality |

осознания человеком страха перед Ничто, перед собственным Небытием»³.

XIX-й век в этом плане стал поистине философствующе-осевым, расширив нарративные возможности интерпретации столь вечной темы посредством эпистолярного дискурса как способа «уплотнения времени», удержания прошлого путем искушения человечества танатологией. Ключевой фигурой в этой «танатологической интродукции», через сердце которой как судороги, прошли все «страсти по Матфею», стал Н. В. Гоголь. Балансируя на грани жизни и смерти, он первым в своих письмах осознал омуты бессознательного и начал «душекопательство» с себя.

Именно Н. В. Гоголь закладывает основы «препарирования души», «выворачивая ее наизнанку» in publico, что много позже в XX в. получило название «психоанализа». Выходя на тему философии жизни, оказавшуюся зеркальной по отношению к философии смерти через «синтез пластики» душ мертвых и живых, он с ужасом обнаруживает и в себе подобный дуализм. Однако именно этот сплав позволил ему открыть огромность мира – яркого, звучного, пантеически завораживающего, что и открывало для писателя двери в вечность, правда, породив физиологизм страданий по поводу *увиденной им* трагичности судьбы России и безотлагательной важности сообщения об этом *через письмо* всем людям *напрямую*. Но читать эпистолярные ин-фолио следовало, по его настоятельной рекомендации, «внутренним зрением не единожды», тем самым их неизбежно интерпретируя, что и стало позднее основанием для подозрений (даже близких друзей писателя, как например, И. С. Тургенева, М. С. Щепкина, С. Т. Аксакова), что у этого необыкновенно «гениального человека ... что-то тро-

нулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения»⁴.

Призрак смерти, по уверению Е. В. Петровской, таит в себе немалое искушение: именно *будущая* смерть должна придать завершенность жизни, превратив ее в произведение, ту последнюю подпись, которая, собственно, и удостоверяет осмысленную ее ценность. После смерти, полагает автор, начинается не столько работа траура, сколько работа интерпретации⁵. Но человек, заигравшись в «смерть», не сразу замечает подмену «игрушки» и привычно ставит на «остроту ощущений». В результате неизбежно столкновение с незнакомым для себя ее образом, отменяющим жизнь уже «по-настоящему».

Само имя писателя – как шифр. Молитва, найденная автором статьи в предсмертных записках и хранящаяся в Пушкинском Доме, словно попытка защиты и одновременно оберег: «...Свяжи вновь Сатану таинственную силою неисповедимого Креста... Как поступать, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок...»⁶. Но когда и кем он был Гоголю преподан? И какова цена «прозрения» – уж не жизнь ли писателя? Рисунок в конце рукописной страницы – непонятный и символический: возможно, полураскрытая книга, между листами которой оказался «заложен» пытающийся выбраться из нее человек... Не сам ли это Гоголь – или вновь очередная мистификация великого хохла?

Скандалная публикация «Завещания» живого писателя, словно «в рассрочку» на пять лет вперед до дня фактической смерти ставила его в весьма двусмысленное положение. А фраза о призвании писателя: «Нет равного ему в силе – он бог!» – вызвала гнев у цензора, вымаравшего по-

³ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М., 1990. С.374-375, 393, 414.

⁴ Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания // Сочинения. Т.1. М., 1880. С. 63-72; Бельшева А. Тайна смерти Гоголя // Нева. 1967. № 3. С. 173 -174.

⁵ Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 66.

⁶ ИРЛИ (Пушкинский дом – далее: ПД). Ф. 652. Оп. 2. Д.3089. Л. 1 – 1 об.; Оп. 2. Д.109. Л.1.

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

| «Русский танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия / "Russian Thanatos": N. Gogol in his Letters about Life, Death and Immortality |

следние слова⁷. Правда, в письме А. С. Пушкина К. Ф. Толю, написанном буквально накануне дуэли 26 января 1837 г., содержался парафраз той же самой темы: «Гений с первого взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит писание»⁸. Поэт, оказавшись на изломе жизни и смерти и фактически паря над тем, что оставляет, и тем, что может ожидать его впереди, уже перешел грань невидимого и стал в России, действительно, больше, чем поэт: он знал, о чем говорил — «должность» обязывала. И в этом плане последнее гоголевское откровение не выглядит таким уж дерзким вызовом, а скорее очевидной для «посвященных» констатацией.

Поздние письма Н. В. Гоголя несут в себе какую-то специфичную стилевую непохожесть на их ранних собратьев и смысловую неприкаянность, почему их судьба, равно как и судьба автора, не может быть осознана лишь на вербальном уровне. Перечень его адресатов составляет весьма внушительный список. Но тех, кто по-настоящему любил и понимал этого человека – единицы. Среди них – забытая ныне удивительная Н. Н. Шереметева – корреспондентка В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, Д. А. Валуева, А. С. Аксакова, М. Н. Погодина. Письма Гоголя к ней – многое из того, что он не мог объяснить даже самым близким своим друзьям (правда, в обращениях к женщинам Н. В. Гоголь вообще стилистически иной). «В мои болезненные минуты, – пишет он Н. Н. Шереметевой, – ...когда падает дух мой, я всегда (в письмах ваших) нахожу утешение и благодарю всякую минуту руку Промысла за встречу мою с вами»⁹. Когда же в «Выбранных местах...» он оскорбил словом М. П. Погодина, именно она написала обличительное письмо писателю, на что он был вынужден оправдываться в ответ. Другая его корреспондентка, А. М. Виельгорская в письме

от 7 февраля 1847 г. пронизательно заметит: «Я вас совершенно узнаю в ваших письмах; для меня все в них просто, понятно; мне кажется, читая их, что я вас слышу...»¹⁰.

Правда, эпистолярный голос Н. В. Гоголя порой внезапно менял свои обертоны, как это было в конце 1843 – начале 1844 гг. в связи с «вызревани-ем» внутри писателя замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями», что было чутко уловлено П. В. Анненковым и С. Т. Аксаковым. Если до 1843 г. его письма были широкой и красочной летописью жизни, отличаясь разнообразием содержания и стиля – от лирической исповеди до средства информации, от типичного образчика дружеского письма с его дурашливостью и живостью бытового речитатива до высоких романтических откровений, – то позже звучит религиозно-философская дидактика, а порой и менторский диктат.

Это тревожит уже и самого Н. В. Гоголя, пытающегося объяснить причины столь стремительных творческих трансформаций, что видно в ряде его писем к друзьям, особенно к С. Т. Аксакову. Но и его друзья, тот же С. Т. Аксаков, путались в противоречиях живого Н. В. Гоголя, который был «таинственнее, призрачнее, чем умерший», этот «карла, чудак, птица, демон», ставший «добычей сатанинской гордости». Для современников он оказывался то «русским... во всем пространстве этого слова», унесшим с собой вечную загадку, а то «апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия». Но вряд ли у кого, даже врагов, оставались сомнения в том, что он «одиноким перешел в вечность».

Н. В. Гоголь не просто сломал в русской культуре заложенный А. С. Пушкиным хрупкий гармонический ряд, введя диссонантно звучащие аккорды с их отнюдь не лингвистическими пассажами, заставлявшими *согласиться*, что не все действительное в России не только и не так уж и разумно, но порой и безобразно-отвратительно. В своих «Страхах и ужасах России», запрещенных

¹⁰ Переписка Н.В. Гоголя: В 2-х т. М., 1988. Т.2. С. 231.

⁷ ПД. Ф. 652. Оп. 2. Д. 134. Л. 2, 2 об, 3.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 224.

⁹ Письма Н.В. Гоголя // Страница и новизна. 1900. Кн. 3. С. 35-37.

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

| «Русский танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия / "Russian Thanatos": N. Gogol in his Letters about Life, Death and Immortality |

цензурой и адресованных «к графинеой», он загадочно роняет: «...Вот если бы я вам рассказал то, что я знаю (а я знаю без всякого сомнения далеко еще не все), тогда бы точно помutilись ваши мысли и вы сами подумали, как бы убежать из России»¹¹. Но этими же страхами оказалась пропитана и вся его предельно хрупкая, состоящая из каких-то глубинных «осколков» памяти, душевная организация. Сам писатель в «Четырех письмах к разным лицам» по поводу «Мертвых душ» предупреждал: «Не думай, однако же, ...чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. ...Я люблю добро, я ищу его и *сгораю им* (выделено нами. Н.С.); но я не люблю моих мерзостей..., которые отдаляют меня от добра». Много позже, в 1909 г., В.Я. Брюсов так и назвал свое сочинение «Испепеленный. К характеристике Гоголя».

Столь утонченная внутренняя конституция, какой наделил этого человека Всевышний и о которой с брезгливой ненавистью говорил В. В. Набоков (Н. В. Гоголь — «дрожащий мышенок с грязными руками, сальными локонами и гноющимся ухом», «вечно обжирющийся сладостями»¹²), едва ли могла довольствоваться сухой прозой жизни. Для самовыражения ей нужны были даже не рембрандтовские краски, а собственные — гоголевские. И они были найдены. В письме «к гр. А. П. Т.... му» 1846 г. он признается: «Душа хотела любить одно прекрасное, а... люди так несовершенны и так в них мало прекрасного»¹³.

Ранние религиозно-мистические переживания, связанные с представлениями о сущности мира, в который допущен человек с его изначальной открытостью ликующим красотам природы, вырастали у Н. В. Гоголя из традиционных для романтиков тем любви, весны, утонченного восприятия «звуков» жизни — шелеста трав, игры света от лунной дорожки на Днепре, нежного девичьего

овала лица, хрупкости чувств. И уже тогда для него открывается новый канал связи с миром через поиск ключа к душе человека с ее противостоянием внешнего и внутреннего. Это был закономерный этап творческой зрелости писателя. За ним открывались не только соблазнительные высоты литературного Олимпа и сладость славы первого писателя России, но и, по словам Александра Блока, омытая весенней влагой синяя бездна, незнакомая земле даль, будущая Россия, зримая духовным очам. Следом шло непонимание, поразительное и агрессивное. В одном из частных писем из Москвы в январе 1847 г. вся ситуация вокруг переписки Н. В. Гоголя была охарактеризована не только как «отвратительная суетливость», но и откровенная озлобленность «литературной братии» «против этого несчастного гениального человека», что, по словам П. Я. Чаадаева, «не поддается описанию»¹⁴.

Буквальность восприятия гоголевского текста, не только литературного, но и эпистолярного, станет в дальнейшем причиной мучительных отношений писателя не только с массовой читающей Россией, но и с самыми близкими ему людьми, в том числе уважаемым им А. С. Данилевским, которому он был вынужден вернуть его же собственное письмо с горестным замечанием о непростительности понимания его слов буквально, что, действительно, убивало их смысл. Лишь душа с ее внутренним зрением была способна «разговорить» лист бумаги с начертанными на нем письменами, которые, по представлению Н. В. Гоголя, нужно читать пристально и не единожды. Именно он намного раньше В. В. Розанова употребил столь странно прозвучавший в XIX в. фразеологизм «думанье рукой». Особую трепетность писатель испытывал не только к самому тексту, но и к слову-коду. Сестрам он пишет: «...Дайте мне ...слово во все продолжение первой недели великого поста <...> читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу и входя в точный СМЫСЛ его, который НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОСТУПЕН С ПЕРВОГО РА-

¹¹ ПД. Ф. 652. Оп. 2. Д. 134. Л. 3.¹² См. подробнее: Барабаш Ю. Набоков и Гоголь (Мастер и Гений) // Москва. 1989. № 1. С. 182; Вересаев В. Гоголь в жизни. Л., 1927.¹³ ПД. Ф. 652. Оп.2. Д. 134. Л.3.¹⁴ Из русской думы: В 2-х т. СПб., 1995. Т.1. С. 101, 102.

Наталья Васильевна САПОЖНИКОВА / Natalia SAPOZHNIKOVA

| «Русский танатос»: Н. В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия / "Russian Thanatos": N. Gogol in his Letters about Life, Death and Immortality |

ЗУ». Перед этим в письме от 1 октября 1843 г. он пенял им же: «К тому же это письмо, в ИСТИННОМ СМЫСЛЕ своем, осталось не понято»¹⁵.

Г. И. Гурджиев, предваряя «Беседы Вельзевула со своим внуком» пространным предисловием, ставит условия будущим читателям: «...Я считаю необходимым на первой странице этой книги ...дать следующий совет: “Читайте каждую из моих книг трижды: сначала – по крайней мере так, как вы читаете механически все ваши современные книги и газеты; затем – вслух, как если бы читали для другого человека. И лишь на третий раз постарайтесь вникнуть в суть моих писаний”. ...И только тогда может реализоваться моя надежда на то, что, поняв все, вы сумеете извлечь для себя ту особую пользу, на которую я надеюсь всем моим существом»¹⁶.

Неслучайным видится совпадение «дидактических вразумлений» писателей столь различного глубинно-содержательного творческого диапазона, всерьез озабоченных тем, чтобы истинный смысл написанного обрел наконец-то *истинные* место и значимость, на которые и *ориентируют* читателей-адресатов *авторы*. Мистический смысл слова, события и моральная идея сливаются у Н. В. Гоголя в единое целое. Он и сам предстает лицом, причастным к высшим тайнам, что внутренне мотивирует его императивный тон и «учительность» в отношениях с другими людьми и с неизбежностью влечет автосакрализацию собственной творческой личности (писатель-монах, пророк, учитель). Он осознает себя новым апостолом, носителем истины, сакрального слова. Столь странное поведение мирского лица дало основание

современникам заподозрить его в явной претенциозности. И не об этом ли грехе была его предсмертная молитва-покаяние?

Природа максимально самовыразилась в Н. В. Гоголе – с его инфантильно-архаическими страхами, искренностью слога, предельным эпистолярно-лингвистическим напряжением поиска самого себя во имя торжества божественного в человеке и, наконец, естественной логичностью сценарной завершенности трагической судьбы русского «Танатоса». Письма Н. В. Гоголя воссоздали неожиданный облик совсем неизвестного публике писателя, разделив с ним трагическую жизненную и счастливую творческую судьбу. Эпистолярный дискурс оказал самое прямое и неоднозначное влияние на жизнь и смерть этого человека, через слово-код и текст-приговор допустив его к сакральным тайнам истории и бытия «живых» и «мертвых» душ. Прикоснувшись к ним и осознав относительную условность границ между ними, Н. В. Гоголю, как он и сам это признавал, уже незачем оказывалось жить – *он узнал о жизни все*. Осталось узнать о смерти. Но эту тайну он унес с собой, оставив *живые* письма *живым*. Тем самым были раздвинуты эпистолярно-жанровые рамки историсофско-экзистенциального опосредования земного бытия в диахронические универсумы вечных тем жизни, смерти и бессмертия, самоотречения личности от земной суеты и свободы выбора новационных форм самовыражения, в том числе попыток установления эпистолярно-сокровенных, доверительных отношений с читающей Россией.

¹⁵ Цит. по: Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб, 1997. С. 105-106.

¹⁶ Гурджиев Г. Беседы Вельзевула со своим внуком. Минск, 2000. С. 3.

